Вероника Александровна УШАКОВА

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ

В статье анализируется «культура отмены» как политическое понятие, его оценка при репрезентации в медиа на Западе и в России. На примерах статей онлайн-изданий выявляются различия в восприятии ключевого слова текущего момента.

Ключевые слова*: культура отмены, репрезентация, оценка, ключевое слово текущего момента, медиа.*

Veronika A. USHAKOVA

CANCEL CULTURE: TO THE CONTENT OF THE CONCEPT

The article analyzes “cancel culture” as a political concept and its assessment in its representation in the media in the West and in Russia. Using examples of articles from online publications, differences in the perception of the keyword of the current moment are revealed.

Key words*: cancel culture, representation, evaluation, keyword of the current moment, media.*

Введение

Политические понятия пронизывают медиадискурс, являются его неотъемлемой частью. Представить без них общественно-политическую, социальную, а зачастую и культурную повестку сложно. Одним из знаковых слов, вошедших в картину мира российской и западной общественности, стало *культура отмены*. Несомненно, оно приобрело статус ключевого слова текущего момента [Прокофьева, Щеглова 2022: 208–217].

При этом в России «культура отмены» получила иную трактовку, чем изначальное представление о «cancel culture». Интерпретация *культуры отмены* в языке-реципиенте повлияла на восприятие явления аудиторией, слово приобрело уникальные оценочные смыслы. Произошло расхождение понимания «культуры отмены / cancel culture» в российском и западном обществе.

Культура отмены в англо- и русскоязычном медиадискурсе

«Культура отмены» как явление, обозначающее ‘популярное в социальных сетях публичное поведение, нацеленное на отказ человеку или группе в праве на социальную жизнь’ [DataSlov, 2022], имеет

множество теорий в происхождении, однако точно известно, что изначально о феномене заговорили в медиа США. Для отражения новой формы остракизма американские СМИ стали использовать словосочетание *cancel culture*. Позднее в русском языке появилось сочетание *культура отмены*, фактически являющееся калькой с английского. Однако в России в силу лингвокультурных особенностей и коммуникативного шума как следствия перевода появляется проблема двойственности восприятия как термина, так и его обозначения [Фефелов 2022:131].

Изначально американское общество восприняло «cancel culture» как определённую возможность, при которой социум сможет устанавливать справедливость без выхода на улицу, драк и разрушения. Однако СМИ и элита США сразу восприняли «cancel culture» как угрозу, не поддающуюся никакой регуляции: *Cancel culture is toxic – Культура отмены токсична* (здесь и далее пер. автора) (University Star, 02.12.2019); *Opinion: Cancel culture is toxic and does more harm than good – Мнение: Культура отмены токсична и причиняет больше вреда, чем создаёт что-то хорошее* (The Seahawk, 24.01.2021) «культура отмены» транслируется как «токсичное действие». Ещё одним ярким примером отрицательной оценки «cancel culture» стала статья издания The Detroit News под названием *“Cancel culture is dead”: University of Michigan board approves new free speech statement – “Культура отмены мертва”: Университет Мичигана одобрил новое заявление о свободе слова* (The Detroit News, 16.01.2024). Уже из заголовка можно понять, что «cancel culture» приравнивается ко злу, которое требуется победить. Также на триумф над «культурой отмены» уже в самом тексте указывает использование эпитета *исторический* по отношению к голосованию: *The University of Michigan Board of Regents on Tuesday unanimously approved a new statement on free speech during a special meeting, with President Santa Ono calling it a historic vote and saying it was more important than ever to "come together" – Совет регентов Мичиганского университета во вторник на специальном заседании единогласно одобрил новое заявление о свободе слова. Президент Санта Оно назвал это голосование историческим и сказал, что сейчас как никогда важно "объединиться"*. Ассоциативно «историческое событие» – это что-то чрезвычайно значимое для общества: победа в войне, полёт в космос, создание нового лекарства и т. д. Таким образом, президент университета приравнивает уничтожение «культуры отмены» к важной победе человечества.

В 2020 году Дональд Трамп выступил с целой компанией, призывающей бойкотировать «культуру отмены», до этого в 2019 году Барак Обама также раскритиковал последователей, поддерживающих «cancel culture: *If all you're doing is casting stones, you're probably not going to get that far* (*Если всё, что вы можете делать, это бросать камни в кого-то, то вы, скорее всего, не уйдете далеко от них*). В ответ в демократических СМИ появилась волна гневных заголовков по поводу заявлений лидеров мнений. По данным исследовательского центра Пью, располагающегося в Вашингтоне, в ходе опроса отрицательную оценку «культуре отмены» дали представители республиканско-консервативного крыла, а положительную – либерально-демократического [Vogels & others 2019: 6]. Таким образом, во внутренней политике США «cancel culture» стала причиной политического раскола.

В России политическое содержание понятия «культура отмены» развивалось в совершенно ином ключе. Стоит уточнить, что культура отмены в России изначально не имела шансов стать основой внутриполитического конфликта по ряду причин: политическое прошлое страны (граждане не имели возможностей влиять на власть), аполитичность граждан, отсутствие глобальных проявлений дискриминации и нарастающих конфликтов из-за неравенства (отсутствие открытого острого конфликта), отсутствие запросов от политической элиты на внедрение культуры отмены в общественно-политическую повестку [Никитин и др. 2022: 66].

Яркое звучание в политическом дискурсе *культура отмены* приобрела в 2022 году после объявления «отмены» российской культуре. Отсюда появление огромного количества отрицательных оценок: в основном они транслировались через цитирование российских лидеров мнений. Так, Патриарх Кирилл назвал «культуру отмены» *безумием* (Интерфакс, 17.05.2022), философ Илья Инишев – *колонизацией воображения* (Сибирь.Реалии, 07.02.2023), пресс-секретарь президента Российской Федерации Дмитрий Песков – *абсурдом* (Ведомости, 02.11.2023). Президент Владимир Путин сравнивает «культуру отмены» со стороны Запада с политикой нацистской Германии (Деловой Петербург, 25.03.2022). Самый неуместный и болезненный удар пришёлся по российскому искусству: отмена балетов, опер, выставок. Вековое наследие государства, которое влияло на мировое искусство, пытались изъять или стереть. Появились теории о том, что с помощью «культуры отмены» была осуществлена

подмена понятий, то есть прикрываясь благими намерениями, Запад использует механизм, чтобы нанести ущерб имиджу России [Салиева и др. 2023: 1]. Таким образом, «культура отмены» в российской действительности стала буквальным злом, нацеленным на исключительное уничтожение. Это подкрепляется тем, что «культура отмены» – это действие, не имеющие своих правил и норм, то есть «уничтожение» не предлагает ничего взамен, не регламентирует порядок остановки искоренения «русской культуры». Так, например, в газете «Культура» опубликовали статью «Можно ли отменить русскую культуру?» (18.03.2022), где в тексте сочетание соседствует с коллокацией *объявление войны*, что формирует яркую отрицательную оценку. В материале представлен и субъект действия: *Уже наработанный рефлекс, когда по команде «Ату!» СМИ и миллионы людей в соцсетях набрасываются на «нужного врага», применяется сегодня в отношении русских*. Междометие *Ату*! и глагол *набрасываются* — отсылка к своре собак, с которыми сравнивает автор тех, кто отменяет русскую культуру. На это же указывает описание процесса: *в угаре «отмены», культурная кровожадность*. Сатира создаёт чувство омерзения к акторам отмены*: … в странах Запада начали в массовом порядке расторгать контракты с представителями российской культурной элиты в том случае, если они не готовы публично* ***«покаяться», встать на то самое символическое колено***; *Дирижеру Валерию Гергиеву* ***великодушно предложили*** *четкий выбор*… Попытка утверждения доминирующего положения «отменяющих» («европейцев и американцев») над «отменяемыми» («русскими») должна вызвать чувство гнева. Неприемлемость «культуры отмены» показывает и антонимическая пара *белые* и *чёрные*, отсылающая к историческому расовому конфликту в США. По новой американской этике эти слова запрещены к использованию, однако автор нарочито использует именно эти номинации для усиления оценочности текста. На это же работает и параллель с уничтожением евреев Германией. «Культура отмены» начинает восприниматься как истинное порождение зла, так как в русской картине мира фашизм – самая ужасающая вещь.

В то же время в России сочетание присутствует в медиадискурсе в значении, близком к первоначальному. Так, актуализирует его инцидент с «голой вечеринкой» Анастасии Ивлеевой конца 2023 года, который повлёк за собой волну «отмены» участников мероприятия. Многие СМИ определили ограничения и наказания участников и

организаторов как «культуру отмены» по отношению к российским звёздам, несмотря на то что уполномоченные лица не упоминали это слово: *Отмена артистов после «голой вечеринки» – это пиар-ход и проделки неудачливых блогеров. Выясняем, кому было выгодно раздуть скандал* (Новости Ярославля, (30.12.2023), *Отмена Ивлеевой, Киркорова, Лолиты: Кто на самом деле сделал звонок* (ИА Хакасия, 29.12.2023). «Культуру отмены» поддержали граждане, так как посчитали неэтичным подобные вечеринки, когда страна участвует в СВО. Например, в статье «Народ хочет, Кремль клокочет: участников вечеринки Ивлеевой ждёт русская кара» в Правда.ру (28.12.2023) «культура отмены» определена как «*русская отмена*»: *Народная кара за бал Сатаны: вечеринку Ивлеевой настигла* ***«русская отмена»***. Так как вечеринку автор называет *сатанистской*, что очевидно ассоциируется у аудитории с аморальным действием, следовательно, «русская отмена» – справедливая кара, настигшая участников. Также о последствиях «отмены» российских звёзд высказался Сергей Соседов, дав комментарий интернет-изданию Attention.plus (27.12.2023): *Эти события помогли провести фильтрацию и избавиться от лишних «звезд». Пришло время для новых лиц и новых творческих имен.* Однако несмотря на то, что герой текста фактически дал положительную оценку «отмене», в статье была поправка: *…само выражение культура отмены Соседов не приветствует, предлагая просто забыть о прошлом поколении знаменитостей и сосредоточившись на новом.* Рождается противоречие: с одной стороны, герой хвалит «отмену культуры» и её последствия, но само слово *культура отмены* порицает. И это очень характерно в формировании оценочных коннотативных смыслов у сочетания в российском медиадискурсе.

Заключение

Таким образом, отрицательная оценка «культуры отмены» превалирует в медийном поле и на Западе, и в России. Однако такую оценку понятие получило по совершенно разным причинам.

В западной действительности «cancel culture» раскрывает конфликтный потенциал групп, принадлежащих к разным политическим направлениям. Также актуализируется вопрос наличия свободы слова, где «культура отмены» – её уничтожитель и создатель спирали молчания, при котором ненависть в обществе нарастает.

В российской действительности помимо того, что изначально «культура отмены» имела двоякое понимание из-за нарушения языковых механизмов смысла, использование понятия в политическом

контексте создало ещё больший диссонанс. С одной стороны, «культура отмены» является отрицательным явлением, которое используют другие государства для наказания и подрыва авторитета России как одного из лидеров на мировой арене. Иными словами, такой механизм несёт в себе зло, которое нужно искоренять и не нужно поддерживать. С другой стороны, «культура отмены» продолжает свое существование стране и используется СМИ для демонстрации «благого» наказания, которое должно поддерживаться россиянами.

Список литературы:

Никитин А. В., Орлинская О.М., Седаев П.В., Устинкин С.В., Фоменков А.А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. – Нижний Новгород. 2022. – С. 65–68.

Прокофьева Н. А., Щеглова Е.А. Ключевые слова текущего момента: проекции и отражения // Язык - Текст - Дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов. Сборник научных статей по материалам VIII международной научной конференции. Самара. 2022. – С. 208–217.

Салиева Л. К., Арутюнова-Ястребкова Э.В., Ценпи А. «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. Москва, Берн. 2023. – С. 44–72.

Фефелов А.Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 20. № 1. Новосибирск. 2022. – С. 126 -144.

Vogels E.A., Anderson M., Porteus M., Baronavski C., Atske S., McClain C., Auxier B., Perrin A., Ramshankar M. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment // Pew Research Center. Washington. 2021. – 1–29 с. Режим доступа: https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment/ (дата обращения: 29.01.2024).

УШАКОВА Вероника Александровна – студент кафедры телерадиожурналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), *st080402@student.spbu.ru*

Научный руководитель – *Щеглова Екатерина Александровна*, к.филол.н., доц. доцент кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).